

ОТ РОМАНТИЗМА К РЕАЛИЗМУ

МОНОГРАФИЯ УФИМСКОГО УЧЕНОГО
О М. Ю. ЛЕРМОНТОВЕ.

В монографии доцента БГУ А. И. Глухова «Эпическая поэзия М. Ю. Лермонтова»* впервые на высоком научном уровне изучены, сопоставлены поэмы М. Ю. Лермонтова, прослежен путь их создания, выявлена их проблематика, своеобразие их художественной формы.

Подобное вычленение из всего творческого наследия эпической поэзии Лермонтова представляется нам вполне оправданным, целесообразным, так как это дало возможность исследователю более подробно и четко проанализировать ее.

Важнейшее достоинство монографии — глубина идейно-художественного анализа, выводы автора не только подкрепляются интересными наблюдениями над своеобразием художественной формы, но прямо обусловлены ими.

Другая существенная особенность — выдвижение ряда новых положений в области лермонтоведения, четкое выявление авторской позиции по целому ряду нерешенных творческих вопросов, иногда в процессе прямой дискуссии с выводами таких известных лермонтоведов, как Д. Максимов, Б. Удодов, В. Коровин, Е. Пульхритудова. Надо признать убедительность аргументации А. И. Глухова по выдвинутым им положениям.

Автор четко прослеживает сложный, противоречивый путь творческого развития Лермонтова от романтизма к критическому реализму. Важным этапом на этом пути стало создание стихотворного романа «Сашка». Справедливо указывается при этом на значение иронии, четко проявившейся в романе. Делается серьезный вывод об этапном значении романа в творческом развитии Лермонтова: «Роман «Сашка» предвзрел естественную школу 40-х годов не только своим реализмом, «натуральным» стилем, но и демократизмом — воспроизведением жизни и быта социальных «низов».

Интересен и содержателен анализ таких значительных произведений, как поэмы «Хаджи Абрек», «Беглец». К важным выводам приходит А. И. Глухов, устанавливая особенности зрелого романтизма Лермонтова на материале поэмы «Мцыри».

До сих пор в лермонтоведении не вполне разработан вопрос о проблеме оптимизма в творчестве поэта. Бесспорно наличие мотивов грусти, разочарования, но все же трудно, невозможно согласиться с признанием только «пессимистического мироощущения» у Лермонтова. Можно было бы привести целый ряд прямых высказываний поэта, противоречащих этому утверждению:

Я жить хочу! Хочу печали,
Любви и счастью назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело...

Во всяком случае, вопрос этот не однолинеен — и поэтому нельзя согласиться с

такой прямолинейной формулировкой, как «пессимистическое мироощущение»... Интересно, что, например, в поэме «Ангел смерти» Лермонтов показывает, как горячая, активная любовь Ады даже возвращает к жизни ее умершего возлюбленного.

Одной из важнейших черт романтизма Лермонтова является преодоление мотива одиночества, осуждение одиночества, понимание его слабости, его бесперспективности. Это то новое, что утверждал Лермонтов в своей романтической поэзии.

Вероятно, следовало бы более полно остановиться на вопросе: как же могло получиться так, что Лермонтов-романтик без особой трудности (хотя это вовсе не было «просто» и «легко») смог прийти к критическому реализму? Более того, даже сочетать в своем зрелом творчестве элементы активного романтизма и критического реализма? Совершенно прав А. И. Глухов, когда пишет о своеобразном «сосуществовании» в творчестве Лермонтова реалистического и романтического методов и стилей: «Оно объясняется, во-первых, тем, что в его поэзии еще не завершились процессы и закономерности переходного периода и, во-вторых, самобытностью самой личности художника, сложностью и противоречивостью его идейно-эстетического восприятия мира». И все же это не объясняет полностью такого «сосуществования». Объяснение, по-видимому, заключается прежде всего в общности идейного содержания, нашедшего выражение в различных художественных формах: активного романтизма и критического реализма.

Думается, что в монографии следовало бы более четко указать на глубокие социальные мотивы, запечатленные в поэме «Демон». Истоки трагизма Демона заключались прежде всего не в действительности его положения, во внутренней борьбе зла и добра, ненависти и любви, а отражали объективные противоречия реальной жизни, социальные мотивы. Недаром Демон сам говорил о себе:

Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы.

Не случайно именно таким было восприятие образа Демона многочисленными читателями лермонтовской поэмы. Так, в повести А. М. Горького «В людях» работники иконописной мастерской не сомневались, что Демон — великий мятежник, а книга о нем, — несомненно, запрещена царской цензурой.

Если даже и не буквально со всеми положениями и выводами автора монографии можно согласиться, то во всяком случае бесспорно, что автор сделал целый ряд оригинальных и важных выводов, позволяющих глубже понять творчество одного из выдающихся классиков русской литературы XIX века.

Н. ПОДВИЦКИЙ,
доцент Башгоспединститута.

* А. И. Глухов. Эпическая поэзия М. Ю. Лермонтова. Под редакцией доц. Р. А. Карабанова. Изд. Саратов. университета. 1982 г.

204
6 АПР 1983

вечерняя уфа
г. Уфа